

СОЦИОЛОГИЯ ПРОФЕССИЙ И ЗАНЯТИЙ В РОССИИ:

ОБЗОР ТЕКУЩЕЙ СИТУАЦИИ

Автор: Р. Н. АБРАМОВ

АБРАМОВ Роман Николаевич - кандидат социологических наук, доцент Национального исследовательского университета - Высшая школа экономики, старший научный сотрудник Института социологии РАН (E-mail: roman_na@mail.ru).

Аннотация. Представлен аналитический обзор основных направлений исследований занятий и профессий в современной России. Освещаются ключевые работы в этой области, характеризуются исследователи и научные коллективы, специализирующиеся на изучении профессиональных групп. Показана связь современной отечественной социологии занятий и профессий с международным академическим контекстом, охарактеризованы основные проблемы и вызовы, стоящие перед этой дисциплинарной областью. Делаются обобщения о предпочитаемых теоретических подходах и методах, используемых социологами и антропологами профессий и занятий в России.

Ключевые слова: профессия * социология профессий и занятий * российская социология * этнография занятий * социально-профессиональная структура

Дисциплинарные границы социологии профессий и занятий. Социология профессий и занятий относится к одной из хорошо структурированных дисциплинарных областей социальных наук. В разное время это направление исследований активно впитывало различные теоретические перспективы: от функционализма и теорий социальной стратификации до критического марксизма, интеракционизма и идей философии знания¹. Инструменты исследований занятий и профессий также широко варьируются и включают в себя социально-экономическую статистику, историографический метод, качественные исследования, подходы, применяемые в этнографии и антропологии. До сих пор в явном или скрытом виде в исследованиях профессий обнаруживаются элементы широко понимаемого функционалистского и институционального подходов. Известный американский социолог Э. Эбботт еще в конце 1980-х годов предложил ревизию теоретических взглядов на профессии, основанную на трех аргументах. Во-первых, профессии не должны исследоваться отдельно, но только в пределах широкой системы взаимодействия. Во-вторых, теориям профессионализма следует охватывать не только культуру и социальную структуру, но также действующие силы интрапрофессиональной и транспрофессиональной динамики. Наконец, развитие профессий необходимо рассматривать в связи с изменением комплекса сопутствующих факторов правового, социального, экономического свойства [Abbot, 1993: 187 - 209].

Исследовательские темы и сюжеты, рассматриваемые в контексте изучения занятий и профессий, охватывают широкий круг проблем, подчас связанных с фундаментальными вопросами социологии. Казалось бы, такая эпистемическая открытость

¹ Французский социолог Ш. Гадеа показывает глубокие корни интереса социальных наук к профессиональным занятиям, см. [Гадеа, 2011: 64 - 83].

должна привести к размыванию социологии занятий и профессий как самостоятельной дисциплинарной области, имеющей собственную совокупность понятий и базовых исходных предположений. Однако этого не произошло: несмотря на все различия, социологи занятий и профессий в той или иной мере связывают свои предположения и заключения с базовыми концепциями и работами, формирующими предметное поле этой дисциплины. Конечно, эти обращения нередко носят критический характер, однако сам по себе учет сложившихся подходов, традиций и способов объяснения свидетельствует о наличии автономного и достаточно сильного концептуального ядра социологии занятий и профессий. Следует подчеркнуть, что сильное ядро дисциплины не означает её консерватизма - как мы покажем далее, социология занятий и профессий восприимчива к актуальным методическим и теоретическим трендам.

В последние годы в России появились работы, в которых очерчиваются теоретические границы социологии занятий и профессий и проясняется ее понятийный аппарат [Романов, Ярская-Смирнова, 2011: 64 - 82], [Мансуров, 2003: 5 - 27], [Романов, Ярская-Смирнова, 2007: 12 - 31], [Московская, 2010: 90 - 114], [Мансуров, Юрченко, 2009: 36 - 46]. Пришло время, когда появилась возможность сделать первые обобщения, касающиеся направления развития отечественных исследований в этой сфере. Данная статья является одной из первых попыток представить маршруты, по которым движется это направление социологического знания в России. Конечно, взгляд автора ограничен собственной позицией наблюдателя, а поэтому не все заслуживающие внимания исследовательские коллективы и даже научные школы нашли полноценное отображение в этой работе. Между тем авторская интенция заключалась в том, чтобы показать богатство и разнообразие исследований в этой области, которые тем или иным образом могут быть вписаны в сложившиеся международные традиции изучения занятий и профессий. Фактически, речь идет о создании путеводителя по ключевым текстам и исследовательским направлениям, который будет изменяться и дополняться автором статьи и другими исследователями по мере того как будет трансформироваться сам ландшафт дисциплины.

Отечественные исследования по теме социологии и антропологии занятий и профессий, сделанные в последнее десятилетие, дают основание для оптимистических оценок дальнейших перспектив этой дисциплинарной области в России. Имеются в виду не только перспективы формирования сообщества исследователей занятий и профессий, но и возможность появления оригинальных объяснительных теоретических моделей. Залогом жизнеспособности этих моделей является применение эпистемических ресурсов, имеющих в мировой традиции для объяснения той социальной реальности, которая формируется в России на протяжении последних двадцати лет.

Понимание профессий и занятий в советской социологии. В СССР социологические исследования профессионализма были тесно связаны с проблематикой социологии труда и организаций². Особенности подхода советских исследователей были связаны с марксистско-ленинским пониманием социальной структуры. Прежде всего, отсутствовало дефиниционистское различие занятий (occupations) и профессий (professions), являющееся базовым в англо-саксонской социологической традиции. Кроме того, в центре идеологического дискурса находился рабочий класс как ключевой элемент социальной структуры, что не позволяло фокусировать внимание исследователей на тематике экспертной власти интеллектуальных профессий. Как отмечает А. Московская, "универсальной моделью профессии был объявлен квалифицированный рабочий как носитель гармоничного сочетания умственного и физического труда" [Московская, 2009: 113 - 127]. Занятия, связанные с интеллектуальным трудом, чаще всего рассматривались в контексте рассуждений об интеллигенции, получивших развитие на фоне оттепели, первую очередь в кинематографе, публицистике, литературе (эту особенность также отметила А. Московская [Московская, 2009:

² Если мы посмотрим журнал "Социологические исследования" за 1973 - 1979 гг., то заметим, что проблематика социологии профессий растворена в сюжетах, связанных с изучением социальной структуры советского общества, заводскими исследованиями и исследованиями трансформации труда в процессе научно-технической революции.

113 - 127]). Понятие профессионализма использовалось скорее для характеристики уровня квалификации и опыта отдельного работника, чем для описания принадлежности индивида к той или иной группе занятий.

Советская история исследований профессий и занятий не является основным фокусом рассмотрения данной статьи, хотя и заслуживает отдельного внимания в контексте истории социологии. Отметим лишь, что в 1970 - 1980-е годы появились работы, где можно увидеть сюжеты и подходы к пониманию профессионализма, принятые в англо-саксонской и континентальной традициях. Безусловно, важным этапом в становлении исследований профессий стала книга "Социально-психологический портрет инженера" [Социально..., 1977], подготовленная по итогам коллективного проекта под руководством В. А. Ядова, в которой учитывались подходы к пониманию занятий, развиваемые Парсонсом и Холлом. Инженеры вообще довольно часто оказывались в центре внимания советской социологии. Во-первых, труд инженера был тесно связан с реальным промышленным производством, а, следовательно, близким к труду рабочего и важным для экономики, ориентированной на крупную индустрию. Во-вторых, советская идеология была идеологией технократической в том смысле, что в ранние 1920-е годы она впитала идеи научной организации труда (НОТ), носителями которых были инженеры [Абрамов, 2005: 186 - 211]. В-третьих, в 1960 - 1970-е годы в результате расширения системы высшего политехнического образования профессия инженера стала по-настоящему массовой. В-четвертых, наряду с занятиями учителя и врача, инженерная профессия рассматривалась в качестве ключевой составляющей социальной группы трудовой советской интеллигенции (здесь особого внимания, безусловно, заслуживают работы О. И. Шкаратана, см, например [Бляхман, Шкаратан, 1973]). В конце 1980-х годов стало очевидно падение престижа инженерного дела и тенденции депрофессионализации инженеров как профессиональной группы; эти процессы были проанализированы О. Крыштановской [Крыштановская: 1989]. Данная работа во многом опиралась на англо-американские традиции социологии профессий, где институциональный анализ истории занятия сочетается с изучением его современного состояния в терминологии профессионализации и депрофессионализации. В частности, Крыштановская показала механизм статусной инфляции инженерной профессии в СССР - это массовое высшее инженерное образование, относительное снижение заработной платы инженерных кадров и неконтролируемое расширение инженерных должностей в организационных структурах советских предприятий³.

Социология и антропология профессий: научные школы и коллективы. Сегодня в России сложились или находятся в стадии формирования несколько исследовательских групп и научных школ антропологических и социологических исследований занятий и профессий. Так, по инициативе П. В. Романова и Е. Р. Ярской-Смирновой сначала на базе Саратовского государственного технического университета в Центре социальной политики и тендерных исследований (ЦСПГИ), а затем и в Москве на базе НИУ ВШЭ развивается "*школа антропологии профессий и занятий*". Отличительными особенностями исследовательской программы этой научной школы является широкая социологическая трактовка профессии, внимание к субкультурным составляющим профессиональных сообществ (сленг, ритуалы, микропрактики) и активное применение методов и подходов, используемых в социальной антропологии и антропологии организаций (см.: [Ярская-Смирнова, Романов, 2009: 25 - 35]). По инициативе лидеров этой научной школы уже было издано несколько сборников статей по антропологии профессий (см., например [Антропология..., 2005]; [Профессии.doc, 2007]; [Антропология..., 2011]; [Антропология..., 2012]), регулярно проводятся тематические семинары и симпозиумы⁴. П. В. Романов и Е. Р. Ярская-Смирнова также рассматривают занятия

³ В конце 1970-х годов Р. Коллинз использовал пример инженерной профессии для характеристики кренциалистской инфляции, охватывающей отдельный группы занятий. См.: [Collins, 1979].

⁴ Крупным подобным мероприятием последних лет стал международный симпозиум "Профессии и профессиональные организации в современном обществе: новые подходы к исследованиям", который прошел в Москве в 2010 г. (<http://socpolicy.ru/2010/04/professii-reliis/#more-1397>)

в более широком контексте современного социального государства и стремятся развивать теоретическую базу социологии и антропологии профессий, обобщая и реконцептуализируя классические и современные зарубежные подходы. Сегодня это одна из наиболее динамично развивающихся научных школ в данной области.

В Смольном институте при СПбГУ под руководством Т. Б. Щепаньской продвигается направление изучение профессий как субкультур с использованием методов этнографии (см., например [Щепанская, 2003: 139 - 161]). Проводились исследования профессиональной мифологии театральных актеров, конструкции тендера в неформальном дискурсе профессий, профессионального сленга, культуры взаимодействия и т.д. Существенное внимание уделяется "профессиональной традиции", понимаемой как "символично-нормативный комплекс, бытующий в той или иной профессиональной среде в виде стереотипизированных форм поведения, дискурса, символов и правил интерпретаций, транслируемых в процессе повседневных взаимодействий" [Щепанская, 2011: 87].

На базе сектора социологии профессий и профессиональных групп Института социологии РАН под руководством В. А. Мансурова работает группа исследователей, представителями которой являются О. Ю. Юрченко (Лукша), И. П. Попова, Е. П. Сало и др. ([Мансуров, Юрченко, 2004], [Попова, 2007; Попова, 2012], [Сало, 2009: 399 - 410]). Группа известна исследованиями "массовых интеллигентных занятий", в первую очередь врачей и школьных учителей. Эти исследования ведутся с конца 1990-х годов, когда социология занятий и профессий в стране находилась в стадии формирования. Ключевыми особенностями исследовательской программы "академической группы" является интерес к динамике социального статуса массовых интеллигентских профессий, применением неовебериянского подхода к анализу, гармоничной интеграции традиций советской и российской социологии исследования интеллигенции и англосаксонского взгляда на профессии. При сборе данных активно применяются техники и массовых опросов в сочетании с качественными методами. Сотрудники сектора активно сотрудничают с зарубежными коллегами, проводя сравнительный анализ профессий в области здравоохранения в России и Великобритании [Мансуров, Лукша, Сакс и др., 2003: 129 - 148]. Регулярно выпускаются тематические сборники (см.: [Профессиональные..., 2003; Социальная..., 2007; Профессиональные..., 2009]).

Рецепцией наследия известного американского социолога чикагской школы Э. Хьюза и британского социолога Т. Маршалла занимается отечественный историк социологии В. Г. Николаев (см. переводы работ: [Хьюз, 2009: 46 - 52], [Маршалл, 2006], [Хьюз, 2012: 31 - 47]). По его мнению, "российской социологии профессий, находящейся в состоянии становления, нужны высококачественные ресурсы для развития, и в наследии Хьюза они содержатся" [Николаев, 2012: 64].

В последние годы стали появляться работы, посвященные занятиям, которые и для зарубежных социологов нечасто становятся объектом изучения в силу специфики их институциональной организации. Имеются в виду занятия полицейского или армейского офицера. Так, в Санкт-Петербурге группой исследователей Европейского университета и ЦНСИ выпущена книга, посвященная анализу повседневной работы российских милиционеров. Отдельные главы коллективной монографии заслуживают внимания с точки зрения антропологии занятий, поскольку раскрывают профессиональный мир современной российской милиции (полиции). Это исследование особенно ценно, поскольку правоохранительные органы традиционно относятся к числу труднодоступных объектов исследования [Милиция..., 2011].

Профессии, наемный труд и социальная структура. Драматические трансформации постсоветского рынка труда и структуры занятости породили многочисленную группу тех, кто пострадал в ходе потери кретенциалистского капитала. Российскими исследователями данная группа была обозначена как "постспециалисты" [см.: Попова, 2004] - дипломированные специалисты, обладающие практическим опытом работы, потерявшие социальные перспективы на современном рынке труда и вынужденные менять свой социально-профессиональный статус. В середине 1990-х годов к теме изменения профессионального статуса конторских служащих и инженерно-технических

работников (ИТР) обратился В. И. Ильин. Он рассматривал профессии с конструктивистской точки зрения, синтезируя взгляд на трансформации социальной структуры с неомарксистским классовым анализом [Ильин, 1996: 98 - 122а], [Ильин, 1996б]. Согласно И. П. Поповой, постспециалисты в наибольшей степени подвергаются высвобождению с мест основной занятости, не имеют перспектив трудоустройства в соответствии с полученным образованием, а обновление их креденциалистского ресурса чаще всего сопряжено с утратой достигнутой профессиональной квалификации [Попова, 2004: 20]. Ключевые характеристики данной группы - относительно высокий достигнутый преимущественно в прошлом социально-профессиональный статус, уровень образования и специальной подготовки, утрата накопленного символического и социального капитала в процессе рыночных реформ, ведущая к значительному снижению доходов и потере бывшего профессионального положения при отсутствии возможностей его восстановления [Попова, 2004: 20].

В НИУ ВШЭ при участии В. А. Аникина развивается подход, рассматривающий профессии как элемент социально-профессиональной структуры российского общества [Аникин, 2009: 94 - 113]. Этот подход был заложен еще в 1970-е годы О. И. Шкаратаном и предполагал использование потенциала концепций социальной стратификации применительно к исследованию профессий [Шкаратан, Ястребов, 2007]. Среди молодых исследователей НИУ ВШЭ есть специалисты по статистическому макроанализу профессиональных групп на основе международных методик. Обращают на себя внимание работы А. Р. Бессуднова, который, на основе агрегирования обширного статистического материала и международного опыта создания шкал профессионального статуса и престижа, разрабатывает собственную шкалу социально-профессионального статуса и проверяет её [Bessudnov, 2009:1 - 25]. Автор оговаривается, что "употребляет термин "профессионалы", имея в виду врачей, учителей, юристов, инженеров, программистов и представителей других профессий, где чаще всего требуется высшее образование и углубленные специальные знания в определенной области" [Бессуднов, 2009: 101]. В целом экономико-социологическая оптика рассмотрения занятий далека от этнографического и антропологического взгляда на профессии, но важна для понимания масштабных изменений в социально-профессиональной структуре российского общества.

Возрастает влияние *экономической социологии* на аналитическую перспективу изучения занятий и профессий. В этой связи представляется перспективным исследование Е. С. Бердышевой, рассматривающей различные аспекты маркетизации медицины на примере стоматологии. Автор успешно применяет аналитический инструментарий экономической социологии для понимания правил ценообразования при оказании стоматологических услуг [Бердышева, 2003:138 - 152], [Бердышева, 2011:188 - 217]. Не упускается из виду нормативизирующая роль профессиональных сообществ, поведение членов которых может лишь частично объясняться экономическими мотивами.

Профессиональные занятия интеллигенции. На протяжении долгого времени исследования занятий и профессий рассматривались в качестве составляющей при изучении отечественной интеллигенции, понимаемой в качестве массового социально-культурного слоя работников, занятых различными типами нефизического труда и наделенных миссией хранителей культурных образцов и просветителей населения. Эта традиция понимания российской интеллигенции как особой общности с идеалами духовности и "служения народу" восходит к XIX веку, к деятельности народничества и земских учителей врачей, к ней примыкает понимание немецкими романтиками места образованного класса в производстве и сохранении национальной идентичности. Схожим образом складывающаяся интеллигенция восточноевропейских стран стала главным конструктором национальных идентичностей, основанных на языке, фольклоре и историческом нарративе (см.: [Едлицкий. 2009]). Эта группа обладала противоречивыми социально-экономическими позициями: она нередко оказывалась оппозиционной имперским режимам Центральной и Восточной Европы, однако, в силу своей профессиональной принадлежности (врачи, школьные учителя, чиновники, юристы и т.п.) её представители материально зависели от государственной службы. Эти противоречия усугубили сложности с поиском релевантного места образованных

групп населения в социальной структуре и с социологическим анализом этих групп с применением понятийного аппарата социологии занятий и профессий.

В последние годы аналитики нередко констатируют "смерть интеллигенции", хотя в отечественной социологии есть исследования, сохраняющие *преемственность идей об особой роли интеллигенции*, обусловленной ее профессиональным и социальным статусом. Одним из примеров такого подхода является цикл публикаций, на протяжении многих лет выходящих под редакцией Ж. Т. Тощенко и основанных на результатах ежегодных конференций РГГУ, посвященных изучению российской интеллигенции (Ценностная..., 2000.; Социальный..., 2001.; Жизненные..., 2002; Интеллигенция..., 2003; Гражданские..., 2004; Интеллектуальная..., 2005; Интеллигенция..., 2007. Интеллигенция..., 2008; Интеллигенция..., 2009; "Новая"..., 2012). Материалы этих конференций содержат преимущественно сообщения, основанные на историческом и социологическом взгляде на статус интеллигенции в обществе и рассмотрении этой группы в различных контекстах: ценностном, социокультурном, коммуникативном. В этих публикациях есть работы, прямо связанные с тематикой социологии профессий и использующие данную логику анализа изменений, происходящих с социальными группами, объединенными термином "российская интеллигенция"⁵. При этом Ж. Т. Тощенко обращает внимание на рост распространенности определения "профессионал" применительно к отдельным подгруппам интеллигенции [Тощенко, 2012: 25], обращая внимание на размывание интеллигенции как социального феномена. В целом работы Ж. Т. Тощенко и его коллег по анализу интеллигенции могут оказаться полезны для социолога занятий и профессий, поскольку демонстрируют принятые в российской социальной науке способы мышления и анализа социально-профессиональных групп, относящихся к интеллигенции.

На стыке антропологии профессий и социологии науки реализуются исследовательские проекты, в первую очередь, посвященные пониманию устройства социологического сообщества в России⁶. Одним из наиболее известных стал коллективный проект под руководством М. М. Соколова, где на примере сообщества петербургских социологов рассматривается вариативность профессиональной академической карьеры на постсоветском пространстве [Соколов, Губа, Сафонова, 2010: 66 - 82]. И хотя в большей мере данный проект относится к жанру "социологии социологии", некоторые его результаты представляют интерес и для исследователей профессий.

Одной из недооцененных работ по социологическому пониманию профессий является книга А. Ю. Согомонова "Генеалогия успеха и неудач" [Согомонов, 2005], посвященная метаморфозам современной культуры. В контексте нашей статьи заслуживает внимания глава "Культура призвания: от профетики к профэтике", где автор рассматривает изменения профессиональной этики как центрального скрепа корпоративной идентичности профессионализма: "современность создала социальный мир, структурированный вокруг профессионального труда" [Согомонов, 2005: 145]. При этом подчеркивается, что формирование профессиональной идентичности тесно связано с личным биографическим проектом в ситуации достижительской культуры. "Профессионал нового времени, по сути, открывает принципиально новую страницу в эволюции мировой достижительской культуры, утвердив универсальный и единственный источник профессионализма современного человека - его разум, его знания, его опыт, компетентность и рациональные свойства" [Согомонов, 2005: 164].

А. Ю. Согомонов констатирует, что в советском мире понятие профессионала было вытеснено термином "специалист", когда технические знания не означали нор-

⁵ В частности, в сборнике "Интеллигенция в мире коммуникаций" (2009 г.) целый раздел "Профессионалы в сфере новых информационных технологий" посвящен тематике, связанной с социологией занятий, а в сборнике ""Новая" и "старая" интеллигенция" (2012 г.) также несколько работ основаны на подходах, перекликающихся с социологией занятий: [Ушаков, 2012; Денисов, 2012; Петрова, 2012].

⁶ В конце 1990-х, начале 2000-х гг. Г. С. Батыгиным был начат ряд проектов по реконструкции профессиональной организации советской и постсоветской социологии. См. [Российская..., 1999], [Батыгин, Градосельская, 2001].

мативную включенность в систему корпоративных ценностей, что предопределило невозможность формирования автономных профессиональных сред. Рассматривая трансформацию современных интеллектуальных профессий, автор констатирует размывание профессиональной этики как институциональной основы корпоративной организации этих сообществ [Согомонов, 2005:168]. Разрушение культурных образцов эпохи модерна вместе с ростом влияния современной интернет-реальности приводит к формированию профессионализма нового типа - постсовременного. Профессионал воспринимает этику своей профессиональной корпорации не как предзаданные условия, но как осознанный выбор. Это приводит к превращению профессиональных цехов в вид симулякров, которые А. Согомонов называет "тусовками" - формами профессиональной самоорганизации, но исключительно для тех "новых" профессионалов, которые строго следуют нравственному праву "на вход" и "на выход" [Согомонов, 2005: 173 - 174]. Оригинальная авторская оптика динамики профессионального мира в ситуации масштабных социокультурных сдвигов иногда дает сбои в понимании природы профессионализма, однако работа А. Ю. Согомонова заслуживает пристального аналитического взгляда со стороны исследователей занятий и профессий.

Творческие профессии - сложный для социологии объект исследования, поскольку их генезис далеко не всегда связан с функционированием массового высшего образования и соответствующих рынков труда, а легитимация профессионального статуса базируется на других основаниях: от моды и общественного признания до совершенствования книгопечатания и функций ролевого экспериментирования, например, в условиях жестко-структурированного викторианского общества⁷. В этой связи заслуживают внимания немногие отечественные работы, посвященные исследованию творческих профессий, среди которых работы, выполненные на стыке социологии, истории литературы и культурных исследований. В работах А. Рейтблата представлена характеристика становления массовой литературы в России XIX в. и появления профессиональных литераторов как особой группы занятых, которая тесным образом взаимодействовала с институтом литературной критики, полицейской цензуры, издательской индустрии и формирующейся читательской аудиторией [Рейтблат, 2001]. Л. Алябьева в качестве своего объекта исследования взяла историю появления и генезиса литературной профессии в Англии на протяжении XVI-XIX вв. [Алябьева, 2004]. Стать профессиональным литератором в исследуемую эпоху было непросто, поскольку помимо сословных предрассудков важны были особенности авторского права, организации издательского процесса и государственного и общественного патронажа. Автор учитывает много факторов, сопровождающих профессионализацию литературы в Англии того периода: развитие публичных пространств (кофеен, клубов), рост периодической печати, эволюцию литературных форм, расширение читательской аудитории и т.п.

На первый взгляд, названные работы лишь отдаленно соотносятся с актуальной проблематикой социологии профессий. Однако следует заметить, что сравнительный историографический метод является одним из основных в фундаментальных исследованиях динамики занятий и профессий: социологам исключительно важно реконструировать институциональные изменения, происходившие с той или иной группой занятий с учетом множества внешних факторов юридического, культурного, социально-экономического характера [Saks, 2003], [Abbott, 1988]. И в этом отношении рассмотренные работы - хороший пример проведения анализа, в котором история профессионализации увязывается с социологической оптикой.

Заключение. Безусловно, в рамках одной статьи сложно дать полноценную характеристику всех исследований, ведущихся в области социологии профессий и занятий в России. Здесь были намечены основные контуры данной дисциплинарной области и

⁷ "Художника ценят за его отличие от других, за его особенность. В нем есть искра, отсутствующая в композиции обычного человека. Для него эксцентричность - капитал. Он может процветать на скандалах. Но принцип взаимоотношений здесь тот же самый, ибо в обоих случаях должна быть вера в то, что профессионал даст нечто такое, что его нельзя заставить дать силой и нельзя обязать дать договором" [Маршалл, 2006: 238 - 260].

показано, что в настоящее время она находится на этапе возрождения, обогащаясь собственными эмпирическими исследованиями и подпитываясь актуальными теоретическими моделями, применяемыми в зарубежной социологии. Даже этот небольшой экскурс дает возможность отметить следующее: после радикальной смены повестки дня для отечественной социологии в начале 1990-х годов на какое-то время интерес к профессиям и занятиям снизился, чтобы возродиться в течение последних 6 - 7 лет уже на новых основаниях. Этими основаниями стала активная рецепция англо-саксонских, а в последнее время и континентальных объяснительных моделей для понимания динамики профессионализма в России. Кроме того, социология профессий и занятий перестала быть маргинальной дисциплиной, представленной отдельными исследованиями, сделанными ad hoc или для решения частных задач исследований в рамках социальной стратификации, экономической социологии, социологии организаций, социологии интеллигенции. Постепенно появляются исследователи и группы, заинтересованные в последовательном и системном развитии социологии профессий и занятий на основе международных академических стандартов. Активизировались переводы классиков социологии профессий и современных работ. Конечно, пока значительны лакуны в теоретической, методологической и полевой работе в этой области, но накопленный потенциал позволяет надеяться на продолжение развития этого содержательного и важного направления исследований, тем более что свежие публикации по теме выходят с завидной регулярностью (см., например [Традиционная..., 2011]).

Границы исследований занятий и профессий в России чрезвычайно широки и простираются от макроэкономических моделей занятости и социальной структуры до этнографических эссе о жизненном мире сообществ, которые лишь косвенно можно отнести к занятиям или профессиям. Это составляет трудность для анализа текущей ситуации в рассматриваемой дисциплине, поскольку даже сами понятия "профессии" (professions) и "занятия" ("occupations") каждый раз требуют дополнительного разъяснения: англо-саксонская и континентальная терминологические сетки с трудом ложатся на сложный профессиональный мир России. Между тем можно сделать несколько выводов, касающихся происхождения в исследовательской области занятий и профессий.

Во-первых, российские исследователи всё более активно привлекают принятые в мире подходы и объяснительные модели для понимания и анализа отечественных занятий и профессий. Это заметно не только благодаря росту переводов классических и современных текстов, но и восприятию исследовательской культуры в этой области. В этом смысле российские социологи начинают говорить на языке, понятном нашим зарубежным коллегам.

Во-вторых, отсутствие конвенций, относящихся к пониманию устройства мира занятий и профессий в России, и слабая изученность институционального окружения этого мира создают ситуацию, когда одни и те же эмпирические феномены получают взаимоисключающие трактовки в зависимости от теоретических предпочтений исследователей. С одной стороны, можно считать продуктивным разнообразие точек зрения, а с другой - возникает проблема отсутствия различий, что размывает сами дисциплинарные рамки профессий и занятий.

В-третьих, социальная история профессий и занятий всегда находилась в центре внимания европейских и американских социологов, поскольку она позволяла реконструировать институциональный генезис интересующих занятий и профессий. И даже дореволюционная история интеллигентских занятий в России получила свое развитие в работах зарубежных историков и социологов [Hutchinson, 1996: 89 - 116], [Becker: 2011]. Российские исследователи, к сожалению, пока недостаточное внимание уделяют историческому контексту: имеющиеся работы в основном затрагивают узкий круг интеллектуальных занятий (университетские профессора, литераторы) и практически не используют аналитические ресурсы социологии профессий.

В-четвертых, многие области исследований занятий и профессий пока не нашли адекватного аналитического выражения. Так, очевидно, прояснение институциональной роли профессиональных ассоциаций в формировании сообществ и контроле за

их деятельностью ждет своего часа, так же как мы нуждаемся в дополнительном социологическом анализе многих новых занятий в сфере наемного труда (финансовые аналитики, риелторы, менеджеры проектов и т.п.)

В целом же можно констатировать, что рост числа публикаций по тематике социологии занятий и профессий в России постепенно обозначает качественные изменения в этой области: произошел поворот от отдельных текстов к появлению постоянно работающих исследователей и даже научных коллективов. Это внушает оптимизм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамов Р. Н.* Российские менеджеры: социологический анализ становления профессии. М.: Ком-Книга, 2005.
- Алябьева Л.* Литературная профессия в Англии в XVI-XIX веках. М.: НЛО, 2004.
- Аникин В. А.* Социально-профессиональная структура России: методология и тенденции // Профессиональные группы в современном обществе: динамика и трансформация / Под ред. В. А. Мансурова. М., 2009. С. 94 - 113.
- Антропология профессий, или посторонним вход разрешен / Под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М.: ООО "Вариант", ЦСПГИ, 2011.*
- Антропология профессий / Под ред. П. В. Романова, Е. Р. Ярской-Смирновой. Саратов: Научная книга; ЦСПГИ, 2005.*
- Антропология профессий: границы занятости в эпоху нестабильности / Под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М.: ООО "Вариант", ЦСПГИ, 2012.*
- Батыгин Г. С., Градосельская Г. В.* Сетевые связи в профессиональном сообществе социологов: методика контент-аналитического исследования биографий // Социологический журнал. 2001. N1. С. 88 - 109.
- Бердышева Е.* Рынок и профессия в стоматологии: логика ценообразования в частных клиниках Москвы // Антропология профессий, или посторонним вход разрешен. Указ. раб. С. 188 - 217.
- Бердышева Е. С.* Ценообразование в медицине как процесс социальной координации (экономико-социологический анализ на примере коммерческой стоматологии Москвы) // Мир России. 2010. N3. С. 138 - 152.
- Бессудное А. Р.* Социально-профессиональный статус в современной России // Мир России. 2009. N2. С. 89 - 115.
- Бляхман Л. С., Шкаратан О. И.* НТР, рабочий класс, интеллигенция. М.: Политиздат, 1973.
- Гадея Ш.* Социология профессий и социология профессиональных групп. В защиту изменения подхода // Антропология профессий, или посторонним вход разрешен. Указ. раб. С. 64 - 83.
- Гражданские позиции интеллигенции: камо грядеши? / Под ред. Ж. Т. Тощенко и др. М.: РГГУ, 2004*
- Денисов С. А.* Правосознание и поведение "старых и "новых" ученых юристов в современной России / "Новая" и "старая" интеллигенция: общее и особенное. Сб. статей // Под ред. Ж. Т. Тощенко и др. М.: РГГУ. 2012. С. 313 - 321.
- Едлицкий Е.* Проблемы с интеллигенцией. Интеллигентский минимум // Новая Польша. 2009. N 10. С. 56 - 68.
- Жизненные стили и социальная практика интеллигенции. Сб. статей // Под ред. Ж. Т. Тощенко. М., 2002.*
- Ильин В. И.* "Белые воротнички" в современной России: новые средние слои или конторский пролетариат? // Рубеж (альманах социальных исследований). 1996. N 8 - 9. С. 98 - 122.
- Ильин В. И.* Государство и социальная стратификация советского и постсоветского обществ. 1917 - 1996 гг. Опыт конструктивистско-структуралистского анализа. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского ун-та, 1996.
- Интеллектуальная собственность в гуманитарном измерении. Сб. статей / Под ред. Ж. Т. Тощенко и др. М.: РГГУ, 2005.*
- Интеллигенция в диалоге культур. Сб. статей / Под ред. Ж. Т. Тощенко и др. М.: РГГУ, 2007.*
- Интеллигенция в мире коммуникаций. Сб. статей / Под ред. Ж. Т. Тощенко и др. М.: РГГУ, 2009.*
- Интеллигенция в обществе риска. Сб. статей / Под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: РГГУ, 2003.*
- Интеллигенция и власть. Сб. статей // Под ред. Ж. Т. Тощенко и др. М.: РГГУ, 2008.*
- Крыштановская О. В.* Инженеры: становление и развитие профессиональной группы. М.: Наука, 1989.
- Мансуров В. А.* Вместо введения. Исследование профессиональных групп российской интеллигенции: ситуация, методология и методика // Профессиональные группы интеллигенции / Отв. ред. В. А. Мансуров. М.: Изд-во Ин-та социол. РАН, 2003. С. 5 - 27.
- Мансуров В. А., Лукиша О. В., Плотников А. В., Олсон Дж., Сакс М., Кауппинен К.* Динамика социального статуса профессиональной группы врачей в России: case-study // Профессиональные группы интеллигенции. Указ. раб. С. 129 - 148.

- Мансуров В. А., Юрченко О. В. Перспективы профессионализации российских врачей в реформирующемся обществе // Россия реформирующаяся: Ежегодник - 2004 / Отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: Ин-т социол. РАН, 2004. С. 61 - 79.
- Мансуров В. А., Юрченко О. В. Социология профессий. История, методология и практика исследований // Социол. исслед. 2009. N 8. С. 36 - 46.
- Маршалл Т. Х. Новейшая история профессионализма в связи с социальной структурой и социальной политикой // Маршалл Т. Х. Избранные очерки по социологии. М.: ИНИОН. 2006. С. 238 - 260. (см. также в: Журнал исследований социальной политики. 2010. N 1. Т.8. С. 105 - 124).
- Милиция и этнические мигранты: практики взаимодействия // Под ред. В. Воронкова, Б. Гладарева, Л. Сагитовой. СПб.: Алетейя, 2011.
- Московская А. Профессионализм, доверие и проблемы России // Свободная мысль. 2009. N 11 (1606). С. 113 - 127.
- Московская А. А. Проблемы становления модели профессии: российский опыт в западном исследовательском контексте // Мир России. 2010. N 3. С. 90 - 114.
- Николаев В. Социология занятий и профессий Эверетта Хьюза / Антропология профессий: границы занятости в эпоху нестабильности. Указ. раб. С. 59 - 75.
- Петрова Е. В. Ленинградская техническая интеллигенция 60-х-70-х и городское пространство: практики, представления, нарративы // "Новая" и "старая" интеллигенция: общее и особенное. Сб. статей / Под ред. Ж. Т. Тощенко и др. М., РГГУ, 2012. С. 354 - 364.
- Попова И. П. Профессиональный статус специалистов в меняющемся российском обществе. М.: Наука, 2004.
- Попова И. Л. Интеллектуальный потенциал развития профессиональной структуры российского общества: к проблеме определения // Россия: тенденции и перспективы развития. Вып. 2. М.: ИНИОН, 2007. С. 611 - 618.
- Попова И. Л. Профессионализация через социальное предпринимательство: создание новых компетенций в сфере театральной педагогики // Мир России. 2012. N 3. С. 80 - 99.
- Профессии.doc. Социальные трансформации профессионализма: взгляды снаружи, взгляды изнутри // Под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М.: ЦСПГИ, 2007.
- Профессиональные группы интеллигенции / Отв. ред. В. А. Мансуров. М.: Изд-во Ин-та социол. РАН, 2003.
- Профессиональные группы: динамика и трансформация / Под ред. В. А. Мансурова. М.: Изд-во Ин-та социол. РАН, 2009.
- Рейтблат А. И. Как Пушкин вышел в гении. Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М.: НЛЮ, 2001.
- Романов П., Ярская-Смирнова Е. Идеологии профессионализма и социальное государство // Антропология профессий, или посторонним вход разрешен / Под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М.: ООО "Вариант", ЦСПГИ, 2011. С. 64 - 82.
- Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Три типа знания в социологии профессий // Социальная динамика и трансформация профессиональных групп в современном обществе / Под ред. В. А. Мансурова. М.: Изд-во Ин-та социол. РАН, 2007. С. 12 - 31.
- Российская социология 60-х годов в воспоминаниях и документах. СПб.: Изд-во РГХИ, 1999.
- Сало Е. Л. Социально-профессиональный статус профессиональной группы: ресурсный подход // Профессиональные группы: динамика и трансформация... Указ. раб. С. 399 - 410.
- Согомонов А. Ю. Генеалогия Успеха и Неудач. М.: "Солтекс" при участии "Невский простор", 2005.
- Соколов М. М., Губа К. С., Сафонова М. А. Проект "Институциональная динамика, экономическая адаптация и точки интеллектуального роста в локальном академическом сообществе: Петербургская социология после 1985 года" // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. N3. С. 66 - 82.
- Социальная динамика и трансформация профессиональных групп в современном обществе / Под ред. В. А. Мансурова. М.: Изд-во Ин-та социол. РАН, 2007.
- Социально-психологический портрет инженера. По материалам обследования инженеров ленинградских проектно-конструкторских организаций / Под ред. В. Ядова. М.: Мысль, 1977.
- Социальный статус и имидж гуманитарной интеллигенции. Сб. статей. // Под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: РГГУ, 2001.
- Тощенко Ж. Т. "Старая" и "новая" интеллигенция: современные реалии // "Новая" и "старая" интеллигенция. Сб. статей // Под ред. Ж. Т. Тощенко и др. М.: РГГУ, 2012. С. 15 - 27.
- Традиционная медицина: политика и практика профессионализации. Ярская-Смирнова Е. Р., Ловцова Н. И., Бендина О. А., Юрченко О. В., Мансуров В., Романов П. В., Тепер Г. А. М.: ООО "Вариант", ЦСПГИ, 2011.
- Ушаков В. В. "Новая" и "старая" интеллигенция в современной образовательной среде // "Новая" и "старая" интеллигенция: общее и особенное. Указ. раб. С. 420 - 429.
- Хьюз Э. Социальная роль и разделение труда // Социол. исслед. 2009. N 8.
- Хьюз Э. Ч. Профессии. Пер. В. Николаева // Антропология профессий: границы занятости в эпоху нестабильности. Указ. раб. С. 31 - 47.

- Ценностная и социальная идентичность российской гуманитарной интеллигенции / Под ред. *Ж. Т. Тощенко*. М.: РГГУ, 2000.
- Шкаратан О. И., Ястребов Г. А.* Социально-профессиональная структура и ее воспроизводство в современной России. Предварительные итоги представительного опроса экономически активного населения России / WP7 "Теория и практика общественного выбора". М.: ГУ ВШЭ, 2007.
- Щепанская Т. Б.* Антропология профессий // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. N1 (21). С. 139 - 161.
- Щепанская Т.* Символизация повседневности и неформальный контроль в профессиональном сообществе // Антропология профессий, или Посторонним вход разрешен / Под ред. *П. Романова, Е. Ярской-Смирновой*. М.: ООО "Вариант", ЦСПГИ, 2011. С. 85 - 113.
- Ярская-Смирнова Е. Р., Романов П. В.* Мир профессий - пересмотр аналитических перспектив // Социол. исслед. 2009. N 8. С. 25 - 35. "Новая" и "старая" интеллигенция. Сб. статей / Под ред. *Ж. Т. Тощенко* и др. М.: РГГУ. 2012.
- Abbott A.* The Sociology of Work and Occupation // Annual Review of Sociology. 1993. Vol.19. P. 187-209.
- Abbott A.* The System of Professions. An Essay on the Division of Expert Labor. Chicago: 1988.
- Becker E. M.* Medicine, Law and the State in Imperial Russia. Budapest-New York: CEU Press, 2011.
- Bessudnov A.* An Occupational Status Scale for Russia // Sociology Working Papers. University of Oxford, Department of Sociology. 2009. #02(August). P. 1 - 25.
- Collins R.* The Credential Society: An Historical Sociology of Education and Stratification. NY: Academic Press, 1979.
- Hutchinson J. F.* Politics and medical professionalization after 1905 // Russia's Missing Middle Class: The professions in Russian History / *H.D. Balzer (ed.)*. Armonk, NY: M. E. Sharpe, 1996. P. 89 - 116.
- Saks M.* Orthodox and Alternative Medicine. Politics, Professionalization and Health Care. London: Continuum, 2003.